

Я отказываюсь понимать тех, кто призывает махнуть шашкой и отключить поставки нашего газа всем европейским странам прямо сейчас, немедленно и бесповоротно. По мне, так вполне достаточно того, что 23 марта было сказано: “За рубли”. И ещё напомним: первые газовые магистрали из Сибири в Европу начали строить ровесники моих родителей в 70-е годы прошлого века. В постсоветское время мы не строим с нуля — мы укрепляем и расширяем то, что было начато во время советское. Без малого полвека мы создавали себе рынок сбыта, вкладывая в эту работу силы, ум и немалые деньги.

ДЕНЬГИ ЗА ГАЗ — В РАЗВИТИЕ

Ломать — не строить. Даже перерыв в поставках на несколько недель приведёт к тому, что в Евросоюзе посыллются производства — не работают они без газа. В этом отношении особенно показателен пример Германии. В этой стране из всего объёма потребляемого газа в энергетiku уходило порядка 30%. Природный газ — это не только энергетический ресурс, но и сырьё для разных видов промышленности. Теоретически можно себе вообразить, что Европа напряглась изо всех сил и попыталась заместить газ углём, торфом, мазутом, кизяком и дровами — в принципе, согреть зимой и охладиться летом вполне можно. Наверно. Но ни один из этих ресурсов не заместит лаки и краски, сельскохозяйственные удобрения, пластмассу и полиэтилен, всевозможные плёнки, наполнители для сидений автомобилей и прочее, прочее, прочее.

При этом нельзя забывать, что любой закрывшийся в ЕС завод — это сужение рынка сбыта для России, это неполученная прибыль Газпрома и государственного бюджета.

Кавалерийская атака нам просто не выгодна, передел энергетического рынка ни при каких обстоятельствах не может быть мгновенным. Это вопрос среднесрочной перспективы, то есть от пяти до десяти лет.

Если исходить из пессимистичного сценария, то закладываться нужно на то, что цунами животной русофобии, разразившейся на Диком Западе, сметёт остатки здравого смысла в Евросоюзе окончательно и бесповоротно. Новые лидеры ЕС по интеллекту не будут превосходить ныне действующих, а потому линия на отказ от энергоресурсов будет продолжаться и после предстоящих в следующем году выборов в Европарламент, после которых предстоит смена всех персонажей, входящих в состав Еврокомиссии, этого условного правительства ЕС.

В таком случае, думаю, стратегии России должно быть бессмысловатой: собирать с ЕС деньги за газ, нефть и нефтепродукты, за уголь, но деньги эти не проедать, не складывать в кубышку, а вкладывать и вкладывать в переориентацию нашей внешней торговли на восток и на юг, в наращивание переработки первичных ресурсов и в гармонизацию нашей страны.

То, что досталось нам после советского периода, после тотального развала 90-х, на мой взгляд, нагляднее всего становится при следующих цифрах. На 24% территории России проживает 84% нашего населения, 120 млн человек, и здесь плотность на

которые были связаны российские предприятия и предприятия бывших советских республик. За сотни малых аэропортов в Арктике, за скукожившееся речное пароходство, за сотни заводов и фабрик, которые всевозможные иностранные как-бы инвесторы приобретали по бросовым ценам с единственной целью — закрыть, дабы убрать конкурентов.

Помните мелькавшие в прессе фразы “судостроительная отрасль России десятилетиями не получала достаточного объёма инвестиций”? Это ведь про отрасль, которую мы едва не потеряли, — отрасль энергоёмкую саму по себе, да ещё и требующую для себя целые цепочки поставщиков. Авиастроение, производство сельхозтехники, станкостроение — количество пострадавших отраслей можно продолжать и продолжать. А можно обойтись несколькими словами: в 90-е годы Россия прошла через массовую деиндустриализацию, борьба с последствиями которой идёт пока с переменным успехом.

Данные министерства энергетики, если к ним внимательно присмотреться, — приблизительно о том же. Реформы им. Чубайса — это была уже не просто распродажа электростанций в частные руки. В договоры продажи были вбиты условия о необходимости модернизации — оборудованию было немало лет, пора бы и освежить. Освежали вполне исправно, зачастую новое оборудование было и более мощным, вот только эти дополнительные мощности не востребованы и сейчас, уже через десяток лет после реформ Чубайса.

Причина — убитый Госплан, который должно было заменить министерство экономического развития, но его деятельность в основном свелась к составлению всевозможных прогнозов, за исполнение которых никто никакой ответственности не несёт. Вторая функция этого министерства — ожидание частного инвестора, приход которого должен был случиться ну вот прямо сейчас.

На территории этого ТПК — один из крупнейших в Сибири Ангаро-Илимский железорудный бассейн, а разведанных заранее запасов угля хватало и для самого ТПК, и для западного участка БАМа. Строилось всё и сразу, причём строили не некие победители тендеров, как это нынче принято, а ровно один генпродрайчик, для этого и созданный — Братскгэзстрой. Наличие букв ГЭС нисколько не мешало строить одновременно и саму ГЭС, и город Братск, и лесопромышленный комплекс, и горно-обогатительный комбинат на базе Коршунковского месторождения вместе с городом Железногорск-Илимский, и алюминиевый комбинат.

Итог реализации всех планов — две крупные ГЭС, то есть производители электроэнергии, и сразу несколько крупных потребителей этой энергии — комбинатов, заводов и два новых города. Важное слово — одновременно. На ГЭС гидроагрегаты вводились в эксплуатацию не все разом, а постепенно, при этом каждый гидроагрегат получал нагрузку сразу. В результате к моменту окончательного приёма в эксплуатацию всей Братской ГЭС она уже выработала 68 млрд киловатт-часов и полностью окупила стоимость строительства.

При этом не промпроизводством единым — ещё одним таёжным чудом стал теплочно-парниковый комбинат совхоза “Пурсей”, который получал тепло и воду Братского лесопромышленного комбината и вполне уверенно выдавал на-гора половину валового сбора овощей всей Иркутской области.

Население на территории будущего комплекса в 1939 году — 44,5 тысячи человек, в 1959-м — 155 тысяч, в 1970-м — 345 тысяч, в 1981-м — 504 тысячи человек, в 1991-м — 581 тысяча, при этом доля городского населения — 85%. Страна строила школы, больницы и поликлиники, предприятия строили дома культуры, спортивные клубы и стадионы, те и другие вместе — жилые дома, ПТУ, техникумы, филиалы вузов.

И поверх всего этого — повышенный районный коэффициент зарплат, дабы, как тогда говорили, закрепить кадры на месте. И кадры, в общем-то, ничего против нас не имели — закреплялись и закреплялись.

Борис МАРЦИНКЕВИЧ

СТРАНА, ПОДЪЁМ!

Как собрать экономику в кулак

Исторический снимок: 12 октября 1951 года на Херсонском судостроительном заводе была спущена на воду первая баржа

селения составляет 25 человек на квадратный километр. На 42% территории России живёт 14% нашего населения, 20 млн человек, плотность составляет 3 человека на квадратный километр. А еще на 34% нашей с вами территории живёт 1,7% нашего населения, то есть всего 2 млн человек, и плотность населения тут вообще поражает воображение — 0,3 человека на квадратный километр. Или наоборот — на каждого проживающего в Арктике человека приходится три квадратных километра. В этих цифрах — железобетонное доказательство того, что России не подходит европейский путь развития: в Европе средняя плотность населения 100 человек на квадратный километр.

Но и азиатский вариант — тоже не для нас. Можно, конечно, пересчитать полугорамиллиардное население Китая и Индии и поделить на их квадратные километры. А о показателе “небольших азиатских стран”, таких как Пакистан, Бангладеш, Индонезия, Япония, Иран, Вьетнам, обе Кореи, и говорить не приходится. Индонезия — это 250 млн человек, в Бангладеш и в Пакистане — по 200 млн человек, на островах Японии 140 млн японцев — чутьчуть меньше, чем нас с вами в России.

Плотность нашего населения в Сибири и на Дальнем Востоке в 8 раз ниже, чем в нашей европейской части и на Урале, плотность нашего населения в арктических регионах ниже европейско-уральской в 80 раз. Но в Арктике у нас Норильск, Мурманск, Архангельск, Магадан — вычтите их население из арктических показателей, и окажется, что на одного человека тут приходится сотни квадратных километров. Россия — это не Европа. Россия — это не Азия. Это не красивые слова и не квасной патриотизм — это данность. Ни в какие чужие лекала громадность России втиснуть не удастся. У нас есть земля, и наша обязанность — наполнить её.

ЦЕНА ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ 90-Х

Но плодиться и размножаться мы будем только при двух условиях. Первое условие — мы должны беречь и сохранять наши семейные традиции. А вот второе условие имеет самое прямое отношение к энергетике — без неё обладать нашей с вами землёй не получится.

Не так давно мне довелось побеседовать с первым заместителем председателя Комитета Госдумы по энергетике Сергеем Левченко. Разговор получился достаточно неспешным, но Сергей Георгиевич шокировал меня двумя цифрами: в 1990 году объём производства и потребления электроэнергии в РСФСР составил 1082 млрд киловатт-часов, а по итогам 2021 года в России было произведено 1131 киловатт-часов. Итого — за 30 лет мы вышли в плюс на 1,045%.

Один процент в гору за 30 лет!

Эта цена за ваучерную приватизацию, за залоговые аукционы, за разрыв производственных цепочек,

Напрогнозировались, наожидались — Минэнерго, поверив ценным специалистам этого ведомства, запустило программу ДПМ (договоров предоставления мощности). Министерство предлагало частникам строить электростанции за собственный счёт, взамен гарантируя повышенные платежи с рынка, дабы инвестиции быстрее окупались. Обновили старые электростанции, построили новые — и?.. И Николай Шульгинов, министр энергетики, не так давно подвёл черту: у России в наличии 40 ГВт резервных мощностей. То же, но другими словами: электростанции общей мощностью 40 ГВт построены, но не работают — спроса нет.

А повышенные платежи государство гарантировало — и платит, сдирая их со всех имеющихся потребителей, то есть даёт за годом повышающие тарифы. Назовём это всё последствием того, что государство российское из своей системы управления вычеркнуло такое понятие, как территориально-производственные комплексы (ТПК). Их теория была разработана в СССР как следующий этап после плана ГОЭЛРО. Реализация этой теории стала основой невиданного рывка в развитии в предвоенное десятилетие и стремительного восстановления после Великой Отечественной. На наследии ТПК мы и сейчас сидим.

ЧТО ТАКОЕ ТПК

Если коротко, то ТПК — это совокупность расположенных рядом друг с другом взаимосвязанных и взаимообусловленных производств. Плановое размещение и строительство таких комплексов, совмещённое с градостроительством, позволяло обеспечить дополнительный экономический эффект за счёт использования общей инфраструктуры, энергетических и, что для нас особенно важно, кадровых баз.

Классический пример — Братско-Усть-Илимский ТПК, но это только один пример. Напомню, как это выглядело — разумеется, коротко. Братский остров был построен на берегу Ангары в период между 1631 и 1654 годами — подыскивали самое удобное место. Село Братское — просто таёжная провинция вплоть до создания в конце 1940-х Ангарострой и до постановления о строительстве Братской ГЭС, которое было принято в 1954 году.

В 1955 году Братск стал всеоюзной ударной стройкой, в 1957-м состоялся первое перекрытие Ангары. Вот об этой осуществляющей Братско-Усть-Илимского ТПК многие наверняка слышали — дело было, что называется, звонкое. Но дело было не только в уникальных гидроэнергетических свойствах реки Ангары. Ещё одно богатство среднего Приангарья — огромные запасы лесных ресурсов, для освоения которых изначально планировался, а потом строился комплекс по механической и химической переработке древесины.

Конечно, не всё было так уж совсем благостно — лесоперерабатывающий комплекс не получил вишенку на торте — мебельного производства, некоторые пахотные земли ушли под воду, не успели построить производства для более глубокой переработки алюминия и стали, не всё получалось со здравоохранением. Зато местные предприятия были, что называется, нагружены строительством оздоровительных учреждений, и в 1981 году только в самом Братске оздоровительные комплексы, санатории и базы отдыха были способны одновременно принять 20 тысяч человек.

РЕЗЕРВНЫЕ МОЩНОСТИ — В ДЕЛО

А дальше пришёл 1991 год, следом — ваучерная приватизация. Новые владельцы уверенно сбросили с себя содержание всей ведомственной социальной сферы, которая тут же стала огромной расходной частью всех местных бюджетов. Вместо единого Усть-Илимского лесопромышленного комбината (ЛПК) за один 1993 год миру явились 42 штуки АО, которые, само собой, ни о каком инвестировании в дальнейшее развитие и думать не думали. Приказал долго жить градообразующий Братский завод отопительного оборудования, а отказ от дальнейшего развития привёл к краху и банкротству Братскгэзстрой.

Тысячи безработных, массовый отток населения... Скукоживаются промышленные производства, снижается численность населения — чего уж тут удивляться тому, что электростанция не работает на полную мощность, что часть её оборудования начинают считать “резервной”? Мощности есть, но они, как говорят в Северном Причерноморье, никому не треба.

Резерв — слово красивое, и сомневаться в том, что Минэнерго прекрасно осведомлено, сколько вот таких резервов по всей стране образовалось, не приходится. Но они и будут резервами числится, если мы после их тщательного аудита не вернёмся к восстановлению разваленных ТПК. Не промышленных кластеров, а именно ТПК.

Отличие — то, что кластеры предусматривают конкуренцию внутри территориального комплекса. Но конкуренция — это когда уже есть база, это уже следующий шаг. Восстановить тот же ЛПК в полном масштабе, подготовить производственные площадки для мебельного производства, решить начерно логистические задачи, а вот потом приглашать частников, которые вполне способны обеспечить конкуренцию. За сырьё, за профессиональные кадры, за склады вдоль железной дороги, за доступ к электроэнергии, к теплообеспечению, к транспорту — да за всё подряд. Только в такой последовательности, потому как передом назад мы уже попробовали, и итог известен — от 580 тысяч человек, проживавших на территории всё того же Братско-Усть-Илимского ТПК, сейчас осталось

чуть больше половины. Сначала — база за счёт усилий государства и региона, и только потом — частники и конкуренция.

Я ведь только пример привёл, потому как дальше расписывать смысла не вижу — на территории СССР работало 15 ТПК, из них 11 — у нас в России. В одиночку такую работу не делают, да и аудит незадействованных энергетических мощностей должен коллектив профессионалов проводить, как и, само собой, аудит утраченных возможностей, разваленных предприятий — работа для центра и для региональных властей.

Мне кажется, что только при таком подходе удасться вернуться к здравому смыслу — энергетические мощности перестанут быть резервными, а восстановление спроса на электроэнергию остановит рост тарифов. Грубо: получает сейчас какая-нибудь электростанция сто миллионов рублей прибыли в год, что позволяет её владельцам нормально себя чувствовать, хотя оборудование загружено только на 50% её проектной мощности. Вот и славно, вот и фиксируем эти 100 миллионов.

Новые производства требуют работы на все 100% проектной мощности? Вот и славно, а ты, мил человек, будешь и дальше свои 100 миллионов рублей зарабатывать, мы просто тариф на два поделаим. И заодно обеспечим снижение себестоимости продукции, которые те новые производства выпускают, потому как нам и своё население этой продукцией обеспечить по психически нормальным ценам требуется, и на внешний рынок с ней суметь выйти.

Суметь — в самом буквально смысле слова, поскольку Россия, как я не устану напоминать, не Европа и не Азия, у нас тут 2–3 тысячи километров до рынков сбыта — далеко не чудо чудное, а вполне реальная жизнь. И доставку на такое транспортное плечо тоже нужно обеспечивать энергией — не бываёт по-другому. Автомобильную дорогу строить — так заврпакнами и прочими кемпингами для водителей обеспечивать придётся, да ещё и от снега чистить. Железные дороги, речной транспорт нам тоже нужны, иначе все мечты о сотне миллионов тонн грузооборота по Севморпути так мечтами и останутся.

В общем, надо перестать цепляться за модель сырьевой экономики, которую нам навязали 30 лет тому назад.

НЕФТЬ СО СКИДКОЙ

Отойти от этой модели можно только за счёт восстановления теории и практики ТПК — я в этом совершенно убеждён. Да, это требует возврата к централизованному долгосрочному планированию, но уже хватит шарахаться от этой устойчивой идиомы, как чёрт от лада. Попробовали уже без этого обойтись — что, многим понравилось, что ли?

В этом отношении Газпром и формула “газ за рубли” — классический пример. Не буду подробно останавливаться на указе президента №172 от 31 марта сего года — его уже проанализировали со всех сторон. Обращу внимание только на один существенный момент: этот указ касается только экспортных поставок трубопроводного газа, на что у нас по закону монопольным правом обладает исключительно Газпром.

Монополисту и посвящён указ президента, и уверенность в том, что слоган “По рубли!” окажется удачным, основана на этой монополии. Один указ, один монополист — это совершенно не по шаблону либеральной экономики, и именно по этой причине Дикий Запад ничего с этим поделать не может, ему просто дёргаться некуда.

И именно по этой причине эмоциональные требования со всех сторон о переводе на рубли экспорта нефти и нефтепродуктов, угля, сельхозудобрений ещё немало времени будут оставаться только эмоциями, реализовать такие планы будет в разы сложнее.

Газ за рубли — это указ Путина в количестве одна штука, и Алексей Миллер в количестве одна штука: “Есть! Так точно! Разрешите выполнять!” А 48 наших частных угольных компаний — это неизбежные разброд и шатания, это 48 разных мнений и масса частных экономических интересов.

Правительство разрабатывает антисанкционные меры, в том числе комплекс таких мер для нашего топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Хотелось бы в этой связи обрисовать ситуацию, которая сложилась на сегодня вокруг поставок нашей нефти.

Если отбросить детали, то схема нефтяного сектора стран ОПЕК незатейлива: разведка, добыча, переработка и доставка нефти и нефтепродуктов сосредоточены в руках государства, контролируются им настолько жёстко, насколько только возможно. И плевать хотели правители ближневосточных стран на все либеральные сказки и бредни: они торгуют конечным ресурсом, потому выжимать из этого нужно всё до последней капли, чтобы нефть шла на развитие, на рост уровня экономики, уровня жизни населения.

А мы вот в 90-е поиграли в либерализм — и имеем несколько крупных вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК), а государство контролирует только Роснефть и “Газпром нефть”. “Лукойл”, Сургутнефтегаз и далее по списку — частники. Сам добудь, сам доставил до порта, сам нашёл покупателя, сам решил с транспортировкой — это я про сырую нефть, не про её переработку.

И что мы видим на сегодня? До 24 февраля 2022 года дисконт стоимости нашего флагманского сорта Urals по отношению к эталонному Brent составлял от 3 до 5 долларов за баррель, а сейчас эта скидка выросла до 25 долларов. Нет, это не так уж плохо, хотя с первого раза можно подумать, что это именно так. 2019-й доковидный выдал среднюю цену Urals в 65 долларов за баррель — и довольны жизнью были не только нефтяные компании, но и наш государственный бюджет.

Сейчас Brent — от 100 до 110 долларов за бочку, так что скидка в 25 долларов — прямо скажем, не так страшно. Почему скидка? А танкеры у нас свои — кот наплакав, только флот Совкомфлота, а он отнюдь не армада. Иноземная компания-судовладелец на переговорах о фрахте ведёт себя, как на рынке и положено: “Российская нефть токсична, я рискую угодить под какие-нибудь вторичные санкции. Так что, уважаемый купец, вариантов у тебя нет — доплачивай за риск!”

И ровно такой же текст от иноземных страховых компаний — за риск выдачи полиса нужно доплатить. И наши нефтяные компании доплачивают, хотя по документам танкеры фрахтуют покупателя, страхует их рейсы тоже покупатель, вот только делает он это за наш счёт. Это называется выкручивая руки, но альтернативы-то просто нет. Во сколько это обходится? Наш суточный экспорт нефти и нефтепродуктов составляет 7,5 млн баррелей. Делим пополам — с реализацией по долгосрочным контрактам проблем нет, а дальше всё рассказывает калькулятор. 3,75 млн баррелей в сутки умножаем на выросший дисконт, который 25 долларов за баррель сегодня против 5 долларов ранее. И как нам результат — 75 млн долларов в сутки? Нравится?

Да, некрасиво считать деньги в чужих карманах, но спорю: все эти дополнительные расходы — проблема только для наших частных нефтяных компаний. Но с другой стороны, каждые два дня из России убегают нефтяной танкер, его средняя стоимость как раз 150 млн долларов. Это бегство только и исключительно по причине отсутствия у нас собственных танкеров. Простите, но нам такое счастье точно надо? Точно-точно противостоящие санкционному давлению России выдержит только за счёт среднего и малого бизнеса, других мнений быть не может? Правда, что ли? Ничего не напоминает? Лавочник спасёт Россию — это ведь уже было, да только спасения не случилось.

Если кому-то кажется, что я передёргиваю — предлагаю вспомнить о том, что и экспорт российского угля обеспечивают не наши, а опять же, иноземные балкеры. Конечно, уплывающая с ними прибыль имеет куда как более скромные показатели, так ведь и сами сухогрузы куда как дешевле в строительстве, чем танкеры.

СТРОИТЬ СВОИ СУДА

Судостроение не может быть новым национальным проектом? А почему, собственно? Это одна из самых человекоёмких отраслей, это верфи по всему Дальнему Востоку и не только, это спрос на двигатели, корабельную сталь, на приборостроение, это коксующийся уголь и железная руда не на экспорт, чтобы их где-то по ту сторону нашей границы дальше перерабатывали, а у нас самих для наращивания нормы прибыли. И это — база для восстановления теории и практики ТПК на тех самых 42% нашей территории, где у нас 14% населения, это то самое разумное обладание данной нам землёй.

В августе прошлого года президент поручил правительство проработать проекты строительства новых ГЭС на притоках Амура. Но пока напрячь наше министерство развития Дальнего Востока и Арктики у правительства не получается. А расклад очевиден: новые судостроительные мощности потребуют новых объёмов генерации.

И ещё пара моментов, связанных с судостроением. Северный морской путь (СМП) как международная караванная тропа из Европы в Азию — это далеко не только углеводороды на экспорт, это те же контейнерные перевозки, то есть балкеры усиленного ледового класса. Проекты соответствующие в России имеются — станциями Норильскикейля их разрабатывали ещё в нулевые годы. Про международную роль СМП много говорят, но неужели будем ждать, что иностранные компании-судовладельцы соблазняются?

Ещё один момент — требования Международной морской организации относительно содержания серы в судовом топливе. Предыдущий норматив — 3,5%, нынешний — 0,5%. Самый популярный способ сражения с этими процентами — судовые двигатели, топливом для которых служит сжиженный природный газ (СПГ). Вот только это ещё и криогенные ёмкости, технология которых нами ещё не освоена, дальневосточный судостроительный комплекс “Звезда” использует французский патент. Крупнотоннажное сжижение газа — импортное, криогенные ёмкости — аналогично. Да, ёмкости для морских СПГ-танкеров Mark III — это испарение всего 0,1% в сутки и, пока судно в пути, отпарной газ сьедает двигатели, но вот на стоянках это просто метан в атмосферу.

По этим причинам в мире уже имеется ассоциация владельцев судов, работающих на метанолле. Использование метанола — это не только решение вопроса с содержанием серы, но и проблем с криогенными ёмкостями, поскольку сжижается метанол при минус 90 градусов (а привычный метан превращается в СПГ при минус 162). И импортозависимость при его производствекратно меньше, чем при производстве СПГ — эти технологии и у нас самих имеются, и Китай вполне способен помочь. Сырьё для метанола — всё тот же природный газ, то есть флот на метанолле тоже может стать частью решения проблемы с ополоумевшей Европой, которой наш газ не по нраву. Тут ведь тоже арифметика не сложна: в 2021 году в ЕС мы отправили 155 млрд кубометров, а пессимистичный прогноз — это нулевой экспорт в этом направлении к 2027–2030 году. Именно пессимистичный, поскольку исчезновение этой статьи экспорта — это удар по прибыли бюджета, если за пять лет не собрать соломки. Ждать, что это сделает пресловутый эффективный частный собственник, — это совсем уж себя не уважать.

И понимание всего вышеизложенного есть, что не может не радовать. Совсем недавно, 13 апреля, Владимир Путин провел совещание по вопросам развития нашей Арктической зоны и уделил много внимания судостроению. Прощитирую часть его заключительного выступления: “Прежде всего его считаю необходимым утвердить сводный план развития Северного морского пути на период до 2035 года. Прошу правительство учесть в плане следующие задачи. Первое. Чётко обозначить долгосрочный перспективный грузопоток по Северному морскому пути, указав здесь конкретные инвестиционные проекты, обязательства грузоотправителей по объёмам грузопотока, а также размер и номенклатуру необходимого ледокольного флота. Но не только ледокольного — нам нужно думать и о тех судах, которые будут за ледоколами ходить. От объёма перевозок будет зависеть и план по обновлению флота. Следует чётко зафиксировать сроки и объёмы поставок судов ледокольного флота, грузовых судов арктического класса, а также комплектующего оборудования, необходимого для их строительства. С учётом этого предусмотреть меры по модернизации и расширению производственных мощностей наших судостроительных предприятий”.

КОМУ ПОЙДЁТ ГАЗ

Давайте теперь посмотрим, как России компенсировать потерю европейского газового экспорта, те самые полторы сотни кубометров. Программа газификации нашей территории, если её полностью завершить, по оценкам Газпрома, — это дополнительные 21 млрд кубометров в год. По “Силе Сибири” в прошлом году прошло 10 млрд кубов, полная экспортная мощность этого магистрального газопровода — 38 млрд кубов, то есть ещё плюс 28 млрд кубов видны невооружённым глазом. Подписано соглашение с Китаем по дальневосточному маршруту с его 10 млрд кубометров в год, то есть только эти три проекта — уже 59 млрд кубов.

Усть-Луге строится газовый комплекс, в составе которого СПГ-завод мощностью 13 млн тонн — это ещё 18 млрд кубометров газа в его обычном состоянии. В Находке приступили к строительству завода сельхозудобрений — 3 млрд кубов по газу как по сырью, в Сковородино запланировано строительство метанольного завода, там ещё 2 млрд кубометров по сырью. Мощность Амурского газоперерабатывающего завода — 42 млрд кубометров, в Китай уйдёт 38 млрд кубов чистого метана, значит, внутри России будет переработано ещё 4 млрд кубов. Итого по свежим дальневосточным проектам — ещё 9 млрд кубов. Арифметика подсказывает — 86 млрд кубов, то есть прямо сейчас уже больше половины того, от чего мыть отказываются Евросоюз.

Да, есть ещё Арктик СПГ-2, но это проект НОВА-ТЭКа, из-за всех налоговых льгот которого можно уверенно считать, что с Россией он связан только территориально, потому не вижу смысла учитывать его проектные 27 млрд кубометров. Будет всё в порядке, НОВАТЭК и созданный для Арктик СПГ-2 консорциум зарубежных компаний порадуется, а на нет и суда нет.

Производство полиэтилена и полипропилена — тут мы, как в тугое брюхо, упираемся в чужие технологии, в чужие патенты, тут — как повезёт. Не есть направление, где конкуренция в силу новых обстоятельств просто отсутствует — производство сельхозудобрений. По итогам 2021 года ожидается, что Россия их экспортировала на общую сумму в 9,9 млрд долларов, а на сегодня фиксируется уже четырёхкратное увеличение стоимости на мировом рынке.

Азотные удобрения — это аммиак, тонна аммиака — тысяча кубов природного газа по сырью, опять же, несложная арифметика. Спрос будет только расти — кушать хотят все, в том числе Африка, Южная Америка, Азия. Западные аналитики оценивают текущий год для России с бюджетным профицитом в 200 млрд долларов. Вопрос прост: будем снова складывать этот профит в очередной фонд, только теперь уже в физическом золоте и в юанях, или всё же используем для роста в секторе, где у нас конкурентов не предвидится, — в производстве удобрений, не дожидаясь эффективного частного собственника? Нормы прибыли в этом секторекратно выше, чем при экспорте газа, то есть для компенсации выпадающего европейского экспорта нам перерабатывать все оставшиеся 60 с хвостом млрд кубов вовсе и не требуется — если эта прибыль будет принадлежать государству, само собой.